

Элизабет Вернер

По следам

Элизабет Вернер

По следам

«Public Domain»

1913

Вернер Э.

По следам / Э. Вернер — «Public Domain», 1913

«— Целых три дня сидим мы здесь в ожидании покушения, а до развязки нашей трагической повести еще далеко! Я серьезно думаю, господин Зебальд, что хотят одурачить и вас, да в придачу еще и его превосходительство господина гофмаршала!...»

Элизабет Вернер

По следам

– Целых три дня сидим мы здесь в ожидании покушения, а до развязки нашей трагической повести еще далеко! Я серьезно думаю, господин Зебальд, что хотят одурачить и вас, да в придачу еще и его превосходительство господина гофмаршала!

– Тише, Галлер, не так громко! Вы все забываете, что мы должны соблюдать осторожность, величайшую осторожность, – заметьте это себе!

Этот разговор происходил в садике деревенской гостиницы, из которого открывался вид на озеро, окруженное со всех сторон горами. Это было прелестное, затерявшееся в горах, местечко, еще не открытое многочисленными путешественниками. Единственная скромная гостиница предназначалась главным образом для местных жителей; изредка заглядывавшие в нее туристы в самом непродолжительном времени снова уезжали, в погоне за более величественными картинами природы. В настоящее время в гостинице уже несколько дней жил господин, отрекомендовавшийся хозяину как человек, путешествующий для своего удовольствия; теперь он, в сопровождении слуги, предпринял, по его словам, поездку в горы; однако из разговора, который велся вполголоса, можно было заключить о совсем иной цели путешествия.

Зебальд бросил вокруг себя недоверчивый взгляд, хотя на открытой лужайке с несколькими фруктовыми деревьями решительно негде было спрятаться, и вполголоса продолжал:

– Очень возможно, что нам придется прожить здесь целую неделю, прежде чем произойдет что-нибудь подозрительное, а это несомненно случится. При прощанье его превосходительство выразился вполне определенно: «Я поручаю вам, милый Зебальд, дело большой важности, требующее величайшего умения и прежде всего – величайшей осторожности. Я не могу дать вам более точные указания, но для возбуждения вашей энергии довольно сказать вам, что дело идет о посягательстве на спокойствие княжеского дома, и этому надо во что бы то ни стало помешать». Для меня этого было достаточно.

– Но этого чертовски мало, – с сомнением произнес Галлер. – Как можем мы захватить преступника, не зная его примет?

– Мы вовсе не должны его схватывать, а только выследить. Господин гофмаршал хочет, кажется, лично руководить всем делом. В настоящее время он находится в курорте, в трех часах езды отсюда; как только случится что-нибудь подозрительное, мы должны немедленно донести ему и затем ожидать дальнейших приказаний.

– Ничего не может случиться в этой жалкой дыре, где все с детства знают друг друга. Стоит спросить о ком-нибудь из здешних жителей – и вы тотчас услышите полную биографию и его самого, и всех его предков до прадеда включительно; а что касается посторонних, которых мы видели в эти три дня, то о них и упоминать не стоит. Лошадник-барышник, два крестьянина и коммивояжер по продаже коньяка и спиртных напитков – все ужасно солидные люди! Ни одного из них нельзя было бы взять за шиворот!

Последние слова прозвучали очень уныло. Начальник, услышав их, с неудовольствием покачал головой.

– Взять за шиворот! Вот в чем заключается вся ваша мудрость! А сделать-то это сумеет любой жандарм. Нет-с, мы должны наблюдать, бодрствовать, соображать, чтобы найти преступника, а уж схватить его тогда совсем просто. Его превосходительство ясно выразили желание, чтобы я взял с собою человека, на которого при всяких обстоятельствах можно положиться; я выбрал вас, Галлер, и надеюсь, что вы оправдаете мое доверие.

– За мною дело не станет! Только бы нам увидеть что-нибудь подозрительное! – проворчал Галлер и со скучающим видом принялся глядеть на озеро, нисколько не увлекаясь красивой местностью, так как в ней не было ничего подозрительного.

– Стойте, там кто-то едет! – воскликнул вдруг Зебальд, указывая на дорогу, ведущую с горы в долину. – Дорожная коляска!

– Да, но в ней только две дамы.

– Это все равно, – мы не должны никакой мелочи упускать из вида. Будем наблюдать!

Вынув маленький бинокль, он принялся внимательно разглядывать экипаж и пассажиров. Это было простое открытое ландо, которому привязанные сзади сундуки придавали самый мирный вид. Сидевшие в нем дамы, по-видимому нисколько не подозревая, что сделались предметом такого напряженного внимания, вели между собою оживленный разговор.

– Я решительно не понимаю тебя, Валеска, как можешь ты так волноваться из-за пустяков? – сказала старшая. – Если даже господин фон Бэлов действительно узнает о цели нашего путешествия...

– То отправится вслед за нами и ни на шаг не будет отходить от меня! Ты знаешь, что для меня было крайне важно держать нашу поездку в секрете; никто не должен был знать о ней. Я так просила тебя об этом! – и вдруг теперь узнаю, что ты все-таки все выдала ему.

Эти слова, высказанные взволнованным голосом, принадлежали стройной молодой девушке поразительной красоты, в простом, но очень изящном дорожном костюме. Нежное, немного бледное лицо отличалось той привлекательностью, которая зависит не от одной только внешней красоты, но и от богато одаренной души, а в темных глазах светилось особенно серьезное выражение, редко встречающееся у двадцатилетней девушки.

– Каким образом могла я выдать план нашего путешествия, когда он мне самой неизвестен? – стала защищаться ее спутница. – Ведь я до сих пор не знаю, куда мы собственно едем; знаю только, что этот экипаж должен доставить нас в Зеефельд и что Зеефельд будет лишь промежуточной станцией; это я действительно сообщила господину фон Бэлов. Он был так поражен нашим внезапным отъездом, так неутешен, что у меня не хватило духа молчать, и он встал с рассветом, чтобы лично принести букет, который должен был ожидать на балконе твоего пробуждения.

– Очень жаль! Ведь при этом он имел случай видеть коляску и узнать, куда мы едем. Надо надеяться, что он не отправился тотчас вслед за нами пешком, так что в данную минуту нам не угрожает встреча с ним. Позже он, по-моему, может явиться.

– В самом деле? Так ты ничего не имеешь против того, чтобы он потом следовал за нами?

– Ничего, милая тетя.

– Слава Богу! – с облегченным вздохом отозвалась тетка. – Я уже боялась, что ты этим бегством в горы хочешь положить конец его сватовству. Подумай, Валеска, от какой судьбы ты отказываешься! Он богат, пользуется независимым положением, старого баронского рода, владелец майората...

– А ты во что бы то ни стало хочешь иметь племянником барона из старой аристократической семьи, – смеясь вставила Валеска.

При таком основательном предположении старая дама немного смутилась, но тотчас овладела собой и с достоинством возразила:

– Я хочу видеть единственное дитя моего покойного брата любимым и счастливым.

– Любимым – может быть, но счастливым с таким мужем, как Куно фон Бэлов...

– А почему же нет? Он очень добр.

– Согласна, но это и все. Простодушный и добросердечный, как ребенок, и в то же время до невероятности упрямый, как все ограниченные люди. Если я два раза прогоню его, он придет в третий раз и начнет именно с того места, на котором в последний раз остановился. Таких мужчин не любят!

– Но иногда выходят за них замуж.

– Да, если во что бы то ни стало хотят сделать так называемую «партию». У меня в этом отношении собственные взгляды.

– Которые одному Богу известны! – со вздохом произнесла старая дама. – Глупые, сумасбродные фантазии, не считающиеся с действительностью. Ты пользуешься славой известной артистки, публика носит тебя на руках, вот ты и вообразила, что и в жизни все должно происходить так же, как на сцене; ты мечтаешь об идеальной, романтической любви, а так как бедняжка Бэлов не отвечает такому идеалу, то ты с презрением отталкиваешь его; между тем из всех увивающихся вокруг тебя поклонников только у него одного серьезные намерения.

– И, несмотря на все это, я к сожалению принуждена отклонить его лестное предложение. Не хлопочи о нем, тетя! Я знаю, что ты с ним в заговоре, он в тебе имеет неутомимую союзницу, но все твои старания напрасны: я остаюсь при своем отказе.

Это было произнесено довольно решительным тоном. Но старой даме не хотелось отказаться от своего любимого плана; она забрала себе в голову сделаться теткой владельца майората и, видя, что ни майорат, ни древнее происхождение не оказывают на племянницу никакого действия, решила произвести нападение с другой стороны.

– Дорогое мое дитя, ведь я забочусь только о твоём счастье, о твоей будущности! – воскликнула она. – Разве я не вижу, как мало ты со своей невозможной гордостью подготовлена к той жизни, которая многим кажется такой завидной и в которой столько скрытых шипов? Боюсь, что ты в этом давно сама убедилась, а между тем твоя артистическая карьера только что началась. Талант – твоё единственное богатство, но и он не в состоянии защитить тебя от недоброжелательства и оскорблений; в этом ты могла убедиться прошлой зимой, когда за тобой так открыто ухаживал принц Леопольд.

– Тетя, прошу тебя! – вся вспыхнув, перебила её молодая девушка.

– Ну, да, я знаю, что ты не хочешь больше слышать об этом, – ведь со всем этим уже давно покончено; я только хотела напомнить тебе, как беззащитно твоё положение, несмотря на твою безупречную репутацию. Обыкновенно свет не расположен верить, что молодая артистка могла бы из гордости отклонить любовь принца, который не может предложить ей руку. Его светлость герцог был серьезно озабочен и стремглав отправил своего брата путешествовать, а ты несколько времени была в полной немилости при высочайшем дворе.

– И это было тебе гораздо обиднее, чем самой мне, – с легкой насмешкой вставила молодая девушка.

– Да, ты отнеслась ко всему с невероятным легкомыслием, а эта немилость всем бросалась в глаза. Если бы не было так трудно заменить тебя, ты наверно потеряла бы место в придворном театре. Ты снова немного вошла в милость лишь тогда, когда увидели, что ты продолжаешь держаться очень скромно и что принц не делает попыток сблизиться с тобою; но о прежнем расположении двора не может быть и речи.

– Да, я в этом убедилась, – с горечью сказала Валеска. – Прежде меня все ласкали и берегли, а теперь предоставлен полный простор всякой интриге против меня; мне даже передавали, что моё добровольное удаление было бы очень желательно. Впрочем это желание исполнится, может быть, скорее, чем ожидают.

– Неужели ты хочешь нарушить контракт? – спросила тетка. – Это было бы очень опрометчивым шагом. Условия блестящи, публика тебя обожает; а что касается интриг и неприятностей, то их ты везде найдешь, куда бы ты ни перешла. Дитя, дитя, эта жизнь съедает тебя; я знаю, как глубоко ты страдаешь, но тебе стоит сказать одно слово, чтобы освободиться от всего этого. Как счастлив был бы господин фон Бэлов, если бы мог похитить тебя у сцены!

Она удачно вернулась к прежней теме, но на этот раз Валеска только нетерпеливо пожала плечами и отвернувшись стала разглядывать окружающую местность.

Коляска крупной рысью спускалась с горы; внизу сверкала ясная поверхность горного озера; на гористом зеленом берегу живописно приютилось маленькое местечко; в ярких лучах солнца ослепительною белизной блестели стены маленькой церкви, лежавшей на небольшой возвышенности за деревней; как раз в эту минуту раздался ясный звон колокола и далеко раз-

неся по горам. Каким приветливым показался звук колокола молодой девушке, не отрывавшей взора от белых стен церкви! Ее прекрасные темные глаза вдруг засверкали, как будто до нее донеслось приветствие из уст дорогого человека.

Не получая ответа на свою речь, ее старая родственница со вздохом оставила любимую тему, не встречавшую никакого сочувствия, и обратила все свое внимание на лежавшую внизу долину.

– Итак, это – Зеефельд! – начала она. – Как ты напала на такое уединенное местечко? Маленькая гостиница внизу имеет более чем скромный вид; мы едва ли найдем в ней приличное помещение для ночлега.

– Этого и не нужно, так как мы остановимся в пасторате.

– У зеефельдского пастора? Господи, да откуда ты знаешь его?

– Я познакомилась с ним случайно и думаю теперь на несколько часов воспользоваться его радушным приглашением.

Старушка выпрямилась и окинула свою племянницу недоверчивым взглядом.

– Валеска, ты что-то скрываешь от меня! Я всюду сопровождала тебя и непременно знала бы об этом знакомстве. Что вообще означает эта таинственная поездка? Мы спокойно сидели на даче, рассчитывая провести там несколько недель, как вдруг ты совершенно неожиданно собралась ехать, причем обставила отъезд глубочайшей тайной. Никто не должен ничего об этом знать; при известии, что о нашем путешествии знает господин фон Бэлов, ты совершенно вышла из себя; наконец здесь, в маленькой горной деревушке, у тебя оказываются знакомства, о которых я никогда не слыхала. Ты что-то скрываешь... и от кого же? От меня, заменившей тебе мать и любящей тебя, как родную дочь! Чем я это заслужила?

По-видимому она приняла дело близко к сердцу, так как в ее глазах стояли слезы; но Валеска только улыбнулась и ласково взяла ее за руку.

– Все это я знаю, милая моя тетя, знаю, что у тебя добрейшее сердце, что у тебя лишь один недостаток – ты не умеешь молчать! Это еще раз подтвердилось, когда фон Бэлов накинулся на тебя с расспросами и просьбами. Вот почему ты должна позволить по крайней мере мне молчать. В конце концов ты ведь узнаешь, в чем дело. Мне хочется поразить тебя неожиданностью.

Теперь коляска уже спустилась в долину и быстро катилась по деревенской улице. Проезжая мимо гостиницы, дамы почти не заметили в саду двоих посторонних, которые, благоразумно припрятав бинокли, также, казалось, не обратили никакого внимания на проехавших; но, как только экипаж скрылся из вида, они обменялись изумленными взглядами, и Галлер вполголоса сказал:

– Да ведь это – мадемуазель Блюм!

– Валеска Блюм, – подтвердил Зебальд, – прославленная звезда нашего придворного театра! Как попала она в эту глухую деревушку? Это удивительно!

– Коляска остановилась у пастората, – объявил Галлер, подойдя к садовой ограде, – а вот и его преподобие выходит навстречу дамам.

– Еще удивительнее! Какое может быть там дело у молодой артистки? Это – не посещение родственников или добрых друзей; священник встречает их с необыкновенным почтением. Они действительно входят в дом, сундуки уже отвязаны... Галлер, за ними надо следить!

– Но артистка великогерцогского театра и почтенный пастор не могут быть подозрительными, – возразил Галлер. – Они наверно не станут содействовать покушению на княжеский дом. Я думаю, что его светлость и его превосходительство нас самих взяли бы за шиворот, если бы мы позволили себе приблизиться к мадемуазель Блюм! К ней очень расположены при дворе, особенно ее светлость герцогиня.

Зебальд с видом превосходства пожал плечами.

– Нет ничего неподозрительного, надо за всем следить, все наблюдать, – заметьте себе это! А что касается высочайшего благоволения, то с этим покончено с тех пор, как принц Леопольд так ухаживал за красивой артисткой, что это всем бросалось в глаза; при дворе были серьезно озабочены, – об этом говорила вся резиденция.

– Ну, да, принц был влюблен, но ведь в этом еще нет беды.

– Для принца, которому предстоит вступить в брак, соответствующий его званию, большое несчастье, если он серьезно влюбится, а принц Леопольд к тому и шел. Всем известно, что он наотрез отказался поехать, в качестве жениха, как уже давно было условлено, к родственному королевскому двору, – отсюда и высочайшая немилость! Герцог поспешно отправил его путешествовать, другими словами – в изгнание; герцогской семье грозил полный разрыв – и все из-за этой Валески Блюм!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.